

Юрий ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА 1970-х ГОДОВ

(Ю. Линник, Б. Чулков, С. Чухин, О. Мишин, В. Устинов)

Философская лирика отражала стремление к познанию мира, современный характер мышления, возрастающую урбанизацию жизни, поиски синтеза мысли и чувства. И хотя на рубеже 1970-х годов критик А. Метченко на страницах журнала «Москва» (1969, № 1, с.204) пытался поставить преграду особым «интеллектуальным течениям» в литературе и искусстве под предлогом отсутствия в них «высокой идейности и широты кругозора», этот выпад уже не мог остановить возросшую философичность русской поэзии. «В стихах философического склада чувства упрятаны глубже, они ощущаются подспудно – писал Ал. Михайлов. – Здесь можно наблюдать, как рвется в глубь неизведанного живая, трепетная, беспокойная поэтическая мысль, она проникает в каждую клетку образа, она прочерчивается в бесчисленных радиусах ассоциаций»²⁹.

Этот процесс в поэзии Европейского Севера был тесно связан с возросшим уровнем образования местных авторов, многие из которых получили высшее образование, в том числе в вузах Москвы и Ленинграда, освоили культурный опыт человечества, получили новую информацию о мире, созрели к философскому пониманию времени, необходимости «стать с веком наравне».

К этой «культурной элите» Европейского Севера относился и проявивший себя в предыдущее десятилетие как поэт петрозаводчанин Олег Мишин. Освоив финский язык, он поступил в аспирантуру Карельского научного центра РАН и под руководством Э.Г. Карху написал и защитил кандидатскую диссертацию, после чего стал работать научным сотрудником Института языка литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Из-за перегруженности научной работой О. Мишин вынужден был взять себе поэтический «таймаут» на четыре года и выпустил свою новую (четвёртую по счёту) книгу стихов «Солнечный день» в 1970 году. Она подтвердила сложившееся впечатление о Мишине как о поэте чистого и доверчивого взгляда на мир. Как писал А. Гидони, это – «поэт, весь состоящий из полутонов, преобразенных едва ли не в принципиально утверждаемое видение жизни с её многообразием переходов света в тень – и наоборот; счастья в горечь – и обратно; реального быта – в поэзию, и поэзии – в реальность бытия»³⁰.

Учёба в аспирантуре и научная работа по изуче-

Окончание.

Начало в журнале «Север» №11-12 за 2017 год.

нию литературы Финляндии и Швеции обогатили Мишина знанием зарубежной философии. В беседе с финским академиком Пертти Виртаранта О. Мишин, отвечая на вопрос о своих творческих и философских пристрастиях, заявил, что его «больше всего интересуют вопросы человеческого бытия с точки зрения экзистенциализма, смерть и для чего человек живет»³¹.

Как известно, философия экзистенциализма в качестве основного своего понятия оперирует экзистенцией или человеческим существованием. В советское время экзистенциализм считали разновидностью субъективного идеализма, распространенного в современной буржуазной философии и литературе, критиковали за то, что человек рассматривается в ней лишь как духовное начало, идеалистически, что подрывает веру в науку. Сказать тогда вслух о своих философских пристрастиях для О. Мишина означало бы конец научной и поэтической карьере. Но то, что нельзя было озвучивать свой интерес к теоретическим истокам экзистенциализма – мистическому учению датского философа С. Кьеркегора, иррациональности немецкого мыслителя Ф. Ницше, интуитивизму идеалиста А. Бергсона – не означало для О. Мишина невозможности сделать это в поэзии.

И если внимательно прочитать сборник «Солнечный день», то можно сделать вывод, что О. Мишин в своих стихах, запечатлевавших эмоциональные и духовные переживания современного человека, был близок западному экзистенциализму (в России это философское направление развивали Л.И. Шестов и Н.А. Бердяев). И действительно, центральной темой сборника становится проблема человеческого существования, сопровождаемая всем набором чувств одинокого, неустроенного человека с переживаемыми им проблемами страха, совести, отчаяния, заботы о выживании себя и близких. Герой стихотворения «Человечек» – нарисованный на асфальте школьным мелком силуэт человека с «улыбочкой веселой» – это есть и автопортрет лирического героя поэзии О. Мишина:

*Солнцу радуется этот человечек,
Остаётся на асфальте даже в дождь,
И, конечно, не бессмертен он, не вечен,
Но боится невнимательных подошв.*

*Только он не обделен душой широкой,
Всем дарит своей улыбки торжество:
И тому, кто обойдёт его сторонкой,
И тому, кто наступает на него»³².*

В двух четверостишиях вскрыта суть существова-

ния человека в современном обществе, где он чувствует себя одиноким, отчуждённым, «не бессмертным, не вечным» просто потому, что в любой момент по нему могут пройти «невнимательные подошвы» и прекратить его существование. Единственное, что ему остается в этой ситуации, – это ради безопасности своего бытия «всем дарить своей улыбки торжество», успокаивая себя, что никто из владельцев «невнимательных подошв» не помешает ему, пока он жив, «радоваться солнцу». И это единственное, что может позволить себе «человечек», ибо он лишен индивидуальности и выполнен по привычному для таких случаев стандарту: «До ушей – его улыбочка веселая. / Руки веточками воткнуты в бока». Весь его облик излучает в этот тревожный для него мир иллюзию беззаботности и миролюбия, показной униженности, готовности благодарить даже тех, «кто наступает на него».

Герой стихотворения «Зачем очки от солнца...» принимает «таблетки от бессонницы», ему «не спится за полночь», «теснится сердце» от тревожных раздумий о своём субъективном бытии в мире. Он явно озабочен, что жизнь бросила его в море забот и тревог, что напрасны попытки включиться в общественную среду. Он ругает себя за тайное желание надеть «на душу шоры», за неуходящий страх и тревогу, «услыша даже шорох обмана или подлости». Он пробует вылезти из сооруженного для своей души кокона безопасного одиночества, уговаривает себя:

*От холода, от ветра,
От бурь, что только значатся, –
От яростного века
Пускай душа не прячется.*

Но это пожелание, судя по тихой, просительной интонации, так и не помогает раскрепостить энергию «человечка», постоянно задающего себе вопросы, но не знающего выхода из одиночества.

Герой сборника «Солнечный день» осознаёт свою сущность в особых пограничных условиях (эвакуация в годы войны, тяжёлая болезнь, другие бедствия). В стихотворении «Память детства» при воспоминании о годах эвакуации в его памяти всплывают «горький дух литейки жаркой», «запах кокса», «запах шлака» и увиденная им в этом аду «мать в брезентовой спецовке», зарабатывающая тяжким трудом на пропитание себе и сыну. Из-за хронической болезни он рос «слабым, не окрепнувшим вполне», и по мере взросления постоянно испытывал потребность в решении «вечных» (сейчас именуемых экзистенциальными) проблем: «И во сне и наяву / беспокоит и тревожит: / может быть, не так живу?»

Но поскольку без веры в Бога получить ответы на эти вопросы герой поэзии О. Мишина не мог, то болезненные разрывы в мироощущении он пытался получить в марксистской философии, уверяя себя в стихотворении «Жажда есть ненасытная...», что «за грядую туманную / и за дымкой синей / видел Маркс – всю Германию, / видел Ленин – Россию». Повзрослев и разочаровавшись в кумирах марксизма, он перешёл к мотивации таких моральных ценностей и норм поведения современного ему общества, которые хотя бы частично могли устранить постоянное состояние тревожности и обеспечить энергетическую силу его внутреннего мира. Желанием обрести уверенность в себе объясняется проскальзывающее в стихах и схожее с самогипнозом повторение духовных формул: «Не вешать головы», «вновь ощущать жизни полноту», помнить, что «есть радость – жить» («За городом мальчишки жгут костры...»).

Философия героя книги «Солнечный день» – это философия «нормального человека», о котором Мартин Хайдеггер писал: «Этот нормальный человек принимает свои маленькие приятства за мерило того, что должно считаться радостью. Этот нормальный человек принимает свои художочные испуги за мерило того, что следует расценивать как страх и ужас. Этот нормальный человек принимает свой сытый комфортабельный уют за мерило того, что может считаться обеспеченностью и соответственно необеспеченностью... Где гарантии, что человек в этом своём нынешнем самопонимании не возвел в Бога свою собственную посредственную срединность?»³³

В стихотворении «Завтра» этими «маленькими приятствами» называются неожиданная встреча с другом, радость от принесённого почтальоном письма «в тоненьком конверте». Не обходится и от «испугов» («Может, встречу я беду, упаду внезапно...»), но всё это покрывается определённой обеспеченностью бытия, когда человеку уже с утра «очень интересно жить: / что там завтра будет?», и он летит, бежит «из сегодня в завтра», в своём нынешнем самопонимании предельно довольный «собственной срединностью».

Соответственным образом подбираются и герои стихотворений – скромные, тихие люди, довольствующиеся малым в жизни. Это старик, за пять копеек перевозающий пассажиров на лодке через реку и в разговоре с ними «с улыбкой, чуть грустной» признающийся в своём желании побывать на море («Перевозчик»). Это ещё один дед, который жил с мечтой «только б не в постели умереть», «сеть чинил, по дому хлопотал» и встретил

смерть на ногах, в трех шагах от дома («Дед мечтал, когда он стал дряхлеть...»). Это третий дед, ходивший с пилой плотницкой на заработки и умевший «ставить мережи хитрые» и сидеть у костра в ночи («Дед Мирон»).

Герой поэзии О. Мишина сочувствует «уставшим от смены» труженицам бондарного цеха («В бондарном цехе мы стихи читаем...»); вдове с ребятишками, которая ютится в тесной комнатке барака («Аварийные дома»); вагранщикам из литейки, у которых от грязной и тяжёлой работы «черны рубахи на спине» («Литейщики»). Он лично хочет, чтобы улучшились условия труда в бондарном цехе и в литейке, получила бы благоустроенную квартиру вдова с ребятишками, «коль мы за всё в ответе». Но он понимает пределы своей компетенции и ограничивается сентенцией о своих впечатлениях от встреч с «верящими и добрыми» людьми, «которым даже в малом лгать нельзя».

В названных выше стихах, если исходить из философии экзистенциализма, «истина философствования укоренена в судьбе человеческого присутствия... Возможность, перемена и ситуация темны. Присутствие расположено прежде возможностей, которые оно не предвидит, оно подвержено перемене, которую не знает. Оно движется постоянно в ситуации, которую не владеет»³⁴. Герой стихов О. Мишина «присутствует» на встречах с теми или иными людьми, фиксирует свои впечатления, но не совершает никаких человеческих поступков в отношении сложившейся на его глазах ситуации. Истина для него заключается по существу истинности своего присутствия в данном месте в данный час.

Пейзажные стихи, собранные во второй части книги «Солнечный день», тоже построены на факте присутствия человека в той или иной местности. Это могут быть описания «водопадов и дубов, / крутизны утесов дерзких» из стихотворения «Зов природы тем сильнее...» или «ельника сумрачного и строгого» из стихотворения «Лесные тихие дороги», но все они лишь повод для возможности автору ставить «вечные» вопросы: «Что есть человек? Зачем мы здесь?»:

*Зов природы тем сильнее,
Чем острее осознанье
Кратковременности в ней
Нашего существования.*

«Конечность не свойство, просто приданное нам, но фундаментальный способ нашего бытия, – писал М. Хайдеггер. – Её соблюдение – сокро-

веннейший процесс нашего конечного бытия, т.е. нашей обращенности к концу. А в этой последней совершается в конечном счете уединение человека до его неповторимого присутствия». С этой точки зрения одиночество героя стихов О. Мишина, будь то при встречах с людьми или наедине с природой, – это тот счастливый миг, когда он, по Хайдеггеру, «только и достигает близости к существованию всех вещей, к миру».

Такие настроения героя поэзии О. Мишина, из которых сложено основание его человеческого бытия, сказываются на его отношениях с любимой женщиной. Иногда его охватывает мысль, что «влюблённость ушла» («А где она, юности нашей черта?»); что «мы и врозь бы жить могли...» («Смог бы жить и без любви...»); что любимая женщина «звезды подарить не просит, / да и я не обещаю» («Всё у нас, наверно, проще...»). Но претворять своё стремление к одиночеству в поступок, в изменение семейной жизни он не рискует и утешает себя, что «осталась любовь, / а это, пожалуй, немало» («А где она, юности нашей черта?»).

Увлечение философией экзистенциализма оказалось не совсем безобидным для поэтической судьбы О. Мишина. В поисках истины, которую Хайдеггер называл «глубочайшим противоборством человеческого существа с самим сущим в целом», поэт в чем-то отошёл от художественности, не достигнув пока синтеза мысли и чувства. Но его поиск в сторону более усложнённой, философской поэзии (вместе с Ю. Линником, Б. Чулковым, С. Чухиным) был интересен и полезен для автора. Как писал О. Мишин в стихотворении «Риск», «поверх любых расчетов / всюду неизбежен»:

*Риск пера и дерзкой мысли.
Я и сам на риск готов.
Чтоб грядущий день приблизить,
Глянуть в глубь иных веков.*

Но желанного автору «риска пера и дерзкой мысли» не хотело допустить издательство «Молодая гвардия», когда в 1972 году начало составлять содержание небольшой (1,5 печатных листа) книги стихов О. Мишина «Теплотрасса». В неё, в том числе, вошли из предыдущих стихотворных сборников поэта произведения, посвященные рабочему классу («Три спецовки», «Рубль», «Теплотрассу гонят», «В воскресный день на стройке», «Сплавщик») и написанное на историко-революционную тему стихотворение «Красный почтальон» о судьбе участника революции 1918 года в Финляндии Кесси Ахмала. Как результат увлече-

ния риторикой О. Мишин «теряет чувство дистанции, начинает «мельчить», хотя при этом и становится на котурны пафоса любой разновидности: гражданского, психологического или морализующего свойства»³⁵.

Вышедшая через год книга стихов «Второе зрение» (Петрозаводск, 1973) обещала читателю уже своим названием открытие новых горизонтов в творчестве поэта. В стихотворении «Однажды – словно бы с горы...» О. Мишин рассказывал о внезапно посетившем его чувстве, когда он увидел «зрением вторым / всю жизнь свою, как жизнь иную»:

*И, словно после хвори той,
Что чуть тебя не укачала,
Всё до последней запятой
Проверив, жизнь начнёшь сначала»³⁶.*

Лирический герой новых стихов поэта решает начать жизнь «сначала», стряхнуть с себя пыль приевшихся ему мыслительных постулатов рационального «общества застоя» через наиболее доступный ему и сопутствующий укреплению здоровья способ – путешествуя по стране: «Мне по особому отрадны / и кажутся милей всего / озёра, сосны, водопады / вдали от дома моего». В новых впечатлениях он надеется обрести юную свежесть восприятия природы, душевную гармонию, которая обязательно придёт к нему, стоит «вдаль зашагать по лугам и полянам, / по стежкам-дорожкам». Из окна вагона, остановившегося «меж Москвой и Рязанью», он видит «рассветные смутные дали», «купол церквушки далекой» («Мой сон оборвался, греметь перестали...»), «ветряк бесшумный с ласточкой из-под стрехи». Всё, что лирический герой встречает в пути, «радостью или печалью отзывается в груди» («Из окна вагона»). Мимо взора путешествующего героя пролетают «степи пустые, / ни дымка, ни столба, ни души»; «утренние леса / где-то под самой Ригой» («Как снимки вдруг оживут...»). Он навещает Прииртышь, где жил с матерью в эвакуации, и задумывается, «как неумолимо несётся времени река» («Еще качнётся предо мною...»). Мир познаётся путешествующим поэтом путём непосредственного наблюдения, но за этими зарисовками «из окна вагона» не видно движения чувства и мысли.

Новые этические ориентиры открываются в тех стихах О. Мишина, которые рассказывают о посещении малой родины – Ингерманландии, что в Ленинградской области. Серия из семи стихотворений на эту тему раскрывает драму молодого человека, ингерманландского финна, судьба ко-

торого сложилась вдалеке от могил предков. Свой финский язык он стал постепенно забывать в дни войны, когда мальчишкой вместе с матерью оказался в Сибири, «и даже в том не чувствовал вины» («Язык мой финский, медленный, напевный...»). Встреча с Приладожьем, с истоками своего рода, всколыхнула в душе лирического героя «память предков», желание узнать больше о прошлом своей семьи («Проплывает за окном мой край...»):

*Каждой тропкой, каждым домом, каждым деревом
Ты живёшь в душе моей, моё село.*

Однако встреча с родными местами после многих лет разлуки не радует героя: опустевшее русло памятной по детским забавам речки заросло травой («Речка детства»), «каждый дом войною начисто сожжён», «истерзана земля стальным огнем». Всё это «не сходится с той родиной, живущей / в сердце помнящем, тоскующем моем». Увиденное омрачает настроение героя, но он на данном этапе не задумывается о причинах, постигших его родину, и объясняет запустение Приладожья обстоятельствами войны. Трагедия человека, потерявшего родовые корни, будет более полно раскрыта уже в стихах на финском языке, которые составили книгу «Ikkinani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир», Петрозаводск, 1976).

Отдельные стихи из этой финноязычной книги были переведены автором на русский язык и вместе с его переводами произведений современных поэтов Финляндии, а также новыми стихами на русском языке вошли в книгу «Тревожность» (Петрозаводск, 1978).

О «сумрачно-тревожной» поэзии Финляндии XX века ранее писал Э. Карху на примере творчества поэтессы Онерва: «Встревоженные герои Онерва видят теньевую (и единственно истинную для них) сторону мира. Они и сами пребывают в полумраке, на них отбрасываются предзакатные тени, когда они странствуют по скрытым от обычного глаза таинственным тропам жизни»³⁷. Такой поэзии потерявших покой «декадентов» в глазах героев Онервы противостоит поэзия невозмутимых оптимистов, которым, по определению Э. Карху, «всё ясно и которых ничто не смущает».

Эта статья его научного руководителя по аспирантуре Э. Карху (с которым они позднее вместе писали «Историю литературы Финляндии XX века») и поэзия Онерва были хорошо знакомы О. Мишину. Выбор названия нового сборника – «Тревожность» – с этой точки зрения определял

негативное авторское отношение к «оптимистам» и желание приобщиться к «сумрачно-тревожной» тональности финляндской поэзии как международному тренду литературы. Это и было сделано в размышлениях О. Мишина о загадочной скоротечности человеческого бытия, несопоставимой с бесконечным движением времени:

*В небе звёзды горят. И бессмертен их свет.
Вечен этот узор, что сияет из ночи.
Только к звёздам во мне тайной зависти нет,
Хоть дорога моя их мгновенья короче.
Опускаю в озёрную воду весло,
И послушно качаются звёздные сети.
В этом радостном мире страшнее всего
Быть, не ведая даже, что есть ты на свете»³⁸.*

В стихотворении, и особенно в последней его строке, речь идет о таких обстоятельствах бытия человека (в одинаковой мере – живёт ли он на Западе или на Востоке), которые философами второй половины XX века назывались «маргинализацией человека». Речь шла о людях, вырванных из своей прежней социальной, национальной, культурной среды, но не способных быстро и радикально перестроиться и приспособиться к другой среде. «Маргинал, – писал А.К. Якимович на страницах журнала «Вопросы философии», – это человек, утративший ясное чувство своей идентичности. Незыблемой уверенности в том, кто он такой, у него уже нет»³⁹.

Понимая всю опасность социальной маргинальности, О. Мишин стал активно искать своё место в среде финноязычной интеллигенции Карелии. Он опубликовал в Петрозаводске шесть книг своих стихов на финском языке, взяв псевдоним Armas Hiiri. Органической частью деятельности Мишина стала устная народная поэзия как объект изучения, популяризации и перевода. Он подготовил сборник «Рода нашего напевы», посвящённый рунопевческим традициям знаменитого рода Перттуненов, и сборник песен замечательной ингерманландской народной поэтессы Ларин Параске «Тростниковая свирель». В переводе на русский язык трижды был издан выполненный Мишиным вместе с Э.С. Киуру перевод эпоса «Калевала»⁴⁰. Ему было присвоено звание «Народный писатель Республики Карелия».

Успешность творческой и научной деятельности позволила Мишину в меньшей степени, чем другие поэты ингерманландского происхождения Карелии (героиня К. Корвела отождествляла себя с «перекати-полем»⁴¹), ощущать свою культурную неприкаянность,

маргинальность национального самосознания и национального чувства.

Как показывает содержание сборника стихов О. Мишина «Тревожность», его автор в силу испытаний военного детства, влияния матери научился рано отличать добро от зла, подлость от благородства. Он привык наделять простых людей всеми добродетелями (равняя их с матерью-труженицей) и продолжал верить в их светлые идеалы, которые он так последовательно защищал с первых своих стихотворений.

Включённая в книгу «Тревожность» поэма «Цветы моего детства» показывает, какую роль в становлении характера О. Мишина и во всей его дальнейшей судьбе сыграл усвоенный им в эвакуации кодекс чести и патриотизма русских людей, в среде которых оказался ингерманландский мальчик. Сюжет поэмы, документальный в своей основе, развёртывается в годы войны в сибирском городе, куда в эвакуацию прибыли мать с маленьким сыном. После того как мать начала работать в литейном цехе, место её работы стало «домом» для мальчика. Здесь он нашёл и закадычного друга Веньку, года на два постарше, но уже помогавшего своей матери «кочегарить». Два мальчика, русский и финн, подружились своей причастностью к заводским делам и заботам («Литейный цех мы оба с ним любили»), гордостью своей принадлежности к тем, кто ковал в тылу будущую победу над фашизмом. Тон в этой дружбе задавал старший по возрасту. И когда герой поэмы узнал, что после известия о гибели отца Венька решил бежать на фронт, то решил последовать его примеру («А хочешь, Вень, и я с тобой туда?»). Именно в этом решении «бежать на фронт» проявляется возникшее в душе ингерманландского мальчика ощущение России как своей матери-родины, которое постоянно и существенно пронизывало всю жизнь ставшего поэтом взрослого человека.

Увлечение О. Мишина экзистенциализмом не означало, что он с возрастом стал смотреть куда-то в сторону от России, которой был обязан всем в своей жизни: постоянной заботой о здоровье и жилищных условиях, получением бесплатного высшего образования и защитой кандидатской диссертации, публикацией 25 стихотворных и научных книг и многочисленными наградами. Начавший писать философские стихи, поэт стал испытывать ностальгическое чувство «повсюду быть дома». На естественный вопрос, что это значит, М. Хайдеггер отвечал: «Не только здесь и там, и не просто на каждом месте, на всех подряд, но быть дома повсюду значит: всегда и, главное, в целом. Это «в целом» и его целое мы называем

миром. Мы существуем, и пока мы существуем, мы всегда ожидаем чего-то. Нас всегда зовёт Нечто как целое. Это «в целом» есть мир»⁴².

В стихотворении, начинающемся двустихием «В этом мире, дарящем радость и печаль...», лирический герой Мишина «глядит с надеждой» на разворачивающуюся перед ним «дорогу жизни». Он ощущает в душе «жажду неизбывную странствий и дорог» и всегда готов найти достойные краски для описания красоты мира, России:

Я на неё смотреть не устаю.

Два берега. Холмы. Луга.

Россия! –

Знакомые и сердцу дорогие

Твои просторы всюду узнаю.

(«Течёт нетеропливая Ока»)

Будучи мастером пейзажной лирики, О. Мишин умеет сквозь призму человеческой души нарисовать мир чистой природы, будь то описание не поддающейся зиме северной речки Лососинки («Крылом рассвета тьма рассеяна...») или вид «уставших» сосен в лесу, которые «даже в тихую погоду / раскачиваются, / словно переминаются / с ноги на ногу» («Устают и деревья...»). Его поэзия вбирает в себя чаяния любящих мир, свою Родину людей, которые трудятся и верят в добро (посвященные слесарю П.А. Терве стихотворение «Память» и скульптору Ланкинену – стихотворение «Не надо говорить...»).

Именно от любви к миру живописной природы и замечательных людей возникает в стихах Мишина та самая «тревожность», которая вбирает в себя ощущение кратковременности человеческого существования, где «и жизнь, и смерть в одну мелодию сплелись» («Далёкой музыкой нерезкою...»). Ощущение тревожности укрепляется при осознании непрочности мира на земле, где риск взаимного уничтожения стран и народов растёт с прогрессом цивилизации. «Кажется, весь мир готов сорваться с петель», – пишет поэт, сопрягая вид бушующего Онежского озера с раздумьями о судьбе планеты Земля («Мечется и громыхает озеро...»).

«В любви Мишина к природе и человеку, – писал Л. Резников, – открыто выражена его гуманность, отрицание покоя и постоянное умение видеть интересное в обычном, а в незнакомом – знакомое, родственное... Самым же главным в характере его лирического героя является постоянная неуспокоенность души, или, как определил поэт, – тревожность... Обнажённая совесть, тревога о земле и человеке на ней – постоянные свойства лирики О. Мишина»⁴³.

В стихотворении «Мы стоим у ночного окна...» О. Мишин воссоздает образ бушующей за пределами дома вьюги, где «всё сливается – не различить...», и сближает земную жизнь с дискомфортом мировых конфликтов. При всей тревожности ситуации лирический герой не оставляет надежды, что людям удастся проторить тропинку «в новый мир, где всё ясно и мудро».

В целом ситуация в русской философской лирике Европейского Севера 1970-х годов оставалась сложной и противоречивой. Истоки этой сложности крылись в параллельном существовании различных направлений, многообразии художественных индивидуальностей поэтов, находившихся под влиянием как национальных традиций, так и западных литературных течений. Одни поэты были склонны к созерцанию, к сосредоточенности на понимании смысла своей жизни в отношении к вечности, другие отрицали созерцание, стремились к актуализации каждого мгновения, к активности, к труду, преобразованию и организации мира. По этому поводу Н.А. Бердяев писал: «Созерцание и действие могут и должны быть сопряжены в целостной личности, и только их соединение утверждает и укрепляет личность»⁴⁴.

Одним из поэтов, которые в поэтической молодости целиком расходовали себя в активности в процессе жизни и творчества, был Валентин Устинов. Вторая его книга «Живица» (Архангельск, 1971) вышла, когда он уже переехал в Петрозаводск и стал работать сотрудником журнала «Север» (вначале руководил отделом публицистики, затем отделом поэзии). Её содержание было основано на журналистских впечатлениях от Заполярья, где поэт встретился с людьми, поразившими его своей богатырской силой и верностью «общему делу». Будь то рассказ об артельной ловле рыбы погруженными в прорубь рюжами («Вступление в путину») или о коллективном участии поморов в гонке на собачьих нартах («Гонка») – всюду моделью человеческого родства, основывающегося на чувстве любви к жизни, является русская крестьянская патриархальность, «дружба не за ради денег» («Веник»).

В своих героях В. Устинов делал акцент на их полной самостоятельности, стремлении самим вершить свою судьбу, на их заботе о потомках, которым надо оставить чистую и пригодную для жизни природу, на возможности осуществления братского союза людей. Такое отношение молодого поэта к различным областям человеческой жизни было сходно с «философией общего дела» Н.Ф. Федорова. Русский философ проводил в

своих сочинениях мысль, что «жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех»⁴⁵, что Россия по своему географическому положению и по своим особенностям может стать исходным пунктом «общего дела».

Для В. Устинова, как и для Н.Ф. Федорова, братский союз людей основывается на любви и взаимопомощи, которые в свою очередь коренятся в глубокой религиозности русского человека:

*Земля моя! Любовь моя! Россия!
Как буен твой,
Плывущий сквозь озон,
Малиновый, зелёный, тёмно-синий,
Рябиновый, смородинный трезвон!
Живи в любви,
Ликуй мужицким басом.
Звени ростком от каждого ствола.
Земля моя, знакомая набатом,
Трезвонь, трезвонь во все колокола!⁴⁶*

Россия для поэта – «неразгаданное чудо». Она омывается «певучими дождями», дарит русскому человеку «берёзовую радость, / сплетённую из солнечных лучей» («В осинниках, ольшаниках – легко...»). От её «духа земного, / ячменного и хмельного / бурлит в крови», и с человека «спадает мелочность и зависть, / как с почек опадает шелуха» («Завязь»). Так же как всё написанное Н.Ф.Федоровым концентрируется вокруг одной идеи – победы над смертью, так и герой стихотворения В. Устинова «Бор» чувствует себя господином над жизнью, которая в его понимании так же бессмертна, как и сама природа:

*Сосна поёт. Летит её пыльца
Залогом обновленья, возрожденья.
И нет конца ни жизни, ни движенью,
И, значит, песне тоже нет конца.
И я – земной, к земным делам причастный –
Я был в бору неотделимой частью
Его песков и песен, и тепла.*

По Устинову, «Россия – это мы» («Большак»), и поэт выстраивает в стихотворениях галерею русских национальных характеров, в первую очередь из крестьянства, которое отождествляется им с народом. Это сильные телом и духом русские поморы (стихотворение «Добытки»). Это «седая и грузная» крестьянка, которая дважды осиротела, потеряв на войне мужа, а в мирное время – сына, но сохранила в душе «доброту святорусскую» («Петровна»). Это друг поэта по жизни в детском доме Василий Шаров, вмес-

те с которым лирический герой стихотворения «Большак» постигал во взрослой жизни азы токарного мастерства и умение любить жизнь и «не сдаваться».

Дар В. Устинова подмечать новое в жизни, проницательность и полёт фантазии в сочетании с обновлением художественных средств обратили на него внимание читателей и критики. Казалось удивительным, что вторгшийся в страну Поэзия в возрасте тридцати лет человек сразу проявил себя обладателем захватывающей интенсивной образности. И хотя В. Устинов обычно говорил о позднем начале работы над стихами, корни его личного интереса к поэтическому творчеству ушли в годы ленинградской юности. «Я был одним из тех, кто захаживал в литературное объединение «Нарвская застава», – говорил В. Устинов в беседе с Дм. Коржовым. – Глеб Горбовский, Виктор Соснора, Александр Кушнер, Иосиф Бродский. Мощная компания. И – Коля Рубцов. Очень неприветствуемый тамошней публикой. А я был в ту пору молод совсем и в этой компании бывал, в общем-то, случайно – раз в несколько месяцев. Чаще я там не хотел бывать... Заправлял там Глебушка, Глеб Горбовский, которого я очень и любил, и люблю... Стихи писал уже тогда, но они меня не устраивали»⁴⁷.

Ставшая известной эта страница биографии В. Устинова позволила А. Истогиной говорить в статье «Невостребованная новизна» (Север, 1980, № 1) о влиянии на его становление поэзии Н. Рубцова, на что В. Оботуров отвечал: «О влиянии Рубцова на Устинова всерьёз не может быть и речи, – если что и есть, так случайный отсвет от близости на земле в одном кругу духовных интересов, а не подражание... Лирический характер Устинова – размашистый, душа нараспашку! Но это вовсе не исключает драматической напряженности переживаний»⁴⁸.

Основной мотив первых двух книг «архангельского» периода жизни В. Устинова – воспевание здоровых нравственных сил, носителем которых является русская нация, народ. Третья книга стихов и поэм В. Устинова «Талан», опубликованная уже в Петрозаводске в 1971 году, тематически продолжила первые два сборника. В то же время она стала свидетельством существенного роста художественного мастерства поэта, который нашёл индивидуальные и точные поэтические средства и образы для воплощения ставшей традиционной в поэзии Русского Севера темы «военного детства».

Речь идёт о «повести в стихах» «Долина детства», журнальный вариант которой ранее поя-

вился на страницах журнала «Север» (1969, № 4). Основанная на лично пережитом в годы войны, «Долина детства» рассказывала о событиях, казалось бы, локальных, а в действительности имеющих серьёзный общественный подтекст. Автор давал читателю понять, какие глубины человеческого мышления и чувств затронула война у самых беззащитных её жертв – детей, поставленных перед дилеммой: жизнь или смерть.

«Мне всю жизнь снился кошмар, – рассказывал в беседе с Я. Кауровым В. Устинов. – Огромное синее, синее небо, солнце, и на небе три точки. После этого меня охватывал такой ужас, что чаще всего я просыпался в холодном поту. И только сейчас, в старости, я понял, что это было. В детстве на год с лишним я потерял память. Очнулся через год от того, что в детдоме какой-то парень, показавшийся тогда мне очень взрослым, раздавал мальчишкам куски селёдки. Я был самым маленьким и, видимо, не надеялся ничего получить. А селёдка тогда была желаннее всего на свете. Мы все были до боли хронически голодны. И вот неожиданно получил её в руки, со слезами на глазах я снова обрёл память. Потерял же я её в поезде. Нас с братом эвакуировали из Ленинграда, и наш поезд разбомбили. Только сейчас я понял, что точки на небе – это фашистские самолёты, приближающиеся к поезду с детьми»⁴⁹.

Этому событию предшествовали репрессия отца в 1937 году и смерть матери через три месяца после родов. В годы войны мальчик был эвакуирован в Кировскую область, где пошёл в школу. После смерти отца он был помещён в Мякишевский детский дом (Новгородская область), затем год жил у мачехи, два – у матери отца бабушки Анастасии Васильевны в селе Вольная Горка. Своими глазами В. Устинов видел, как трудно и голодно жила деревня:

*Не позабыть тех дней еды:
Простой колодезной воды,
Заправленной листвою крапивы
С лепёшками из лебеды*⁵⁰.

Начинается повесть в стихах «Долина детства» прологом с описанием отправки обоза с мобилизованными мужиками «сквозь частушки и плач, и крик» и завершается эпилогом, где звучит тризна по тем, кого судьба «не вернула в колею / привычных дел». Локально ограничив действие временем и пространством одной деревни, поэт поднимает важную проблему ответственности каждого человека перед лицом всей своей нации.

Судьба деревни – это в миниатюре судьба России, и в эпилоге ведущей мелодией звучит тема любви к Родине и ответственности за её судьбу: «Нам за тебя – бороться и печалиться».

Основная сюжетная линия произведения развёртывается вокруг судьбы отправленного на фронт отчаянного весельчака и драчуна Яшки-конюха и его жены Дарьи. Их отношения раскрываются через призму восприятия мальчика, родственника Дарьи, которая заменила ему мать. Для юного лирического героя прожитые в деревне несколько лет войны по насыщенности событиями, по своей значимости для осознания нераздельности судьбы с народом, с Россией оказались решающими. Детские впечатления и сам процесс возмужания героя В. Устинов интерпретирует с подлинным пониманием тончайших душевных движений и противоречий, свойственных юности. В строго хронологическое повествование постоянно вторгается голос автора, который с высоты прожитых лет по-отечески смотрит на себя, совсем юного, открывает вместе с героем маленькие, бесхитростные радости человеческого существования и сопереживает трагедию военных испытаний.

В изображении В. Устинова Отечественная война для русской деревни явилась переломом, ускорившим катастрофу последующего времени. Оказались порушены многие семьи, потерявшие единственного кормильца. Стали сиротами дети. Пришло в упадок колхозное хозяйство. Но даже в этих условиях в деревне не произошло девальвации личности, не возникло подспудно ощущаемой бесчеловечности, обесценивания духовных сил. Всё это понимает и юный герой, когда становится свидетелем развёртывающегося у него на глазах любовного треугольника, в который втягивается посчитавшая себя солдатской вдовой после пропажи на войне мужа Дарья: она впустила к себе в дом ставшего вдовцом фронтовика Гурьяна и родила от него ребенка. На новом витке сюжета в деревню возвращается ставший бандитом Яков и обвиняет Дарью в измене. Уже готовому пойти на убийство из ревности, ему преграждает путь мальчик, готовый «на плечах повиснуть» у обидчика Дарьи. Побеждают в этом конфликте свои собственные русскому национальному характеру гуманизм, доброта, уважение к материнству, сохранившиеся даже в душе «запредельщика» Якова: увидев грудного ребенка Дарьи, он «шагнул молчком к дверям».

Такая семейная драма взята из жизни и была литературно обработана в ряде произведений послевоенных лет на тему возвращения фронто-

вика в родную деревню. Достоинство В. Устинова в том, что под его талантливым пером этот уже знакомый читателю сюжет яснее всего проявился в истолковании моральных дилемм и катарсисов литературных героев. На первый план был выдвинут компонент гуманности, и повесть в стихах обернулась к человеку и отделилась от прежней практики, для которой самым существенным было событие. Ценность «Долины детства» была определена силой художественного отражения действительности, крестьянским мировоззрением человека, который в давшем название книге стихотворении «Талан» мог заявить о себе: «Внук мужика – я выращен трудом» и сказать далее о своём поколении:

*Мы все крестьянских солнечных кровей;
Судьба земли клокочет в наших судьбах,
Как сок её в деревьях и траве...*

Повесть в стихах «Долина детства» с её драматическим контекстом поставлена автором в книгу «Талан» после «Печорского четверика», состоящего из четырёх поэтических гимнов природе и людям Севера: «Лето Печоры», «Осень Печоры», «Зима Печоры», «Весна Печоры». Удивительно, что все входящие в «Печорский четверик» произведения написаны поэтом, в детстве пережившим потерю сознания от ужаса возможной гибели под бомбежкой. Он обрёл такой трагический опыт выживания, что должен был неминуемо потерять почву под собой, обрести на всю жизнь внутреннее неблагополучие. Но вместо всех этих напастей В. Устинов начинает борьбу с собой, со своим бессознательным, воплощая в стихах идею свободы, смысла, ценности и качества жизни. В своей концепции Ренессанса В. Устинов исходит из убеждения, что и при социализме есть возможность реализовать избыток творчества человека, преодолеть разобщенность и ужас от своей покинутости.

В «Печорском четверике» поэт выдвигает на первый план эллинские начала человеческой культуры, ренессансный образ свободного человека, живущего в единстве с природой и с окружающим его миром. Это человек, сохранивший способность к целостному восприятию мира, в котором бьёт ключом внутренне оправдываемая кипучая игра творческих сил. Поэт творит радостно, предлагая разделить его восторг перед силой продолжения рода в «Лете Печоры» («И жеребцы, до пота свирепея, / на мель загнав взволнованных кобыл, / вокруг друг друга заплетали петли») или через описание оленьей свадьбы в «Осени Печо-

ры» воздать должное старому самцу, идущему на схватку, «на последнюю – за любовь».

Постоянно осознаёт себя, свою особость и не испытывает внутреннего раздвоения каюр Константин Ардеев из стихотворения «Зима Печоры» в момент схватки с напавшим на упряжку волком. Счастлив запечатлеть фотокамерой Владимир Фролов из стихотворения «Весна Печоры» «великий инстинкт продолжения рода», который «владел в эту ночь / всем живущим и сущим». У героев В. Устинова есть свой духовный центр, который помогает восстанавливать силы личности. В стихах поэт возрождает пафос Ренессанса в плане подъема человеческой индивидуальности и в этом отношении бросает вызов поэзии социалистического реализма с его подчинением всех сфер жизни партийному центру.

«Нам не было дано пережить радость Ренессанса, – писал Н.А. Бердяев, – у нас, русских, никогда не было настоящего пафоса гуманизма, мы не познали радости свободной игры творческих избыточных сил. Вся великая русская литература, величайшее наше создание, которым мы можем гордиться перед Западом, – не ренессансна по духу своему. В русской литературе и русской культуре был лишь один момент, одна вспышка, когда блеснула возможность Ренессанса, – это явление пушкинского творчества...»⁵¹

Жизнелюбивый пафос книги стихов и поэм В. Устинова «Талан» в первую очередь восходит к ранней поэзии Пушкина с её культом земных радостей, острым чувством свободы и радостного обновления жизни. Поэт славит «тугую ярость забродившей страсти, / готовый лить, расходовать и тратить/ свой дикий хмель / без меры и управы» («Лето Печоры»). Он хочет, чтоб «жизнь составляли бессчётные весны. / И зло утопало намокшею щепкой. / И наши любви, как хмель опалая, бродили в груди, / словно пиво в бочонках» («Весна Печоры»). Эта ренессансная по духу своему поэзия рождена как противоядие кошмару войны, как способ предотвратить истощение творческих сил воспоминаниями о пережитом в раннем детстве.

Но война и её последствия ещё долго оставались для В. Устинова резервуаром сюжетов, которые в силу законсервированных в них и продолжавших накапливаться уже в мирной жизни треволнений и разочарований требовали воплощения в стихотворных строках. Настало время вспомнить тот решающий в его жизни момент, когда он после окончания седьмого класса и ремесленного училища в Ленинграде (1954) пришел на Балтийский завод и три года работал то-

карем. Тогда его сознание было сосредоточено на сугубо личных переживаниях и заботах повседневной жизни. Он находился на самых нижних этажах социальной пирамиды и страдал от невозможности вписаться равным в рабочий коллектив; испытывал беспокойство и страх от возможности погибнуть от обычного недоедания по причине невыполнения дневной нормы токаря. Его пугала накопленная с войны и во время учёбы в «ремеслухе» физическая слабость организма от постоянного недоедания. «Я был практически дистрофиком, – вспоминал В. Устинов в беседе с Я. Кауровым. – Дефицит массы был огромный. Я очень уставал и не мог выполнить норму. Это отмечали и урезали мне зарплату. Есть становилось нечего. Так я попал в замкнутый круг. Я умирал. Только сила воли спасла меня. Несмотря на недоедание, я начал заниматься спортом. Качаться пошел на греблю. И постепенно начал выполнять норму. Появились деньги. Я окреп»⁵².

Обо всём этом В. Устинов рассказал в размещённых в книге «Талан» «Поэме о выполненной норме» и в поэме «Город гонок». Их герой придаёт огромную значимость идеалам свободы и самостоятельности личности. В своих бедах он не ищет «козлов отпущения» и не переносит свои разочарования на власть и общество. Он способен выделить в ситуации те моменты, которые зависят от его личной активности, и готов принять вызов. Он свободно и по собственному разумению выстраивает линию поведения в сложившейся ситуации и сознаёт личную ответственность за свою судьбу. Это человек индивидуалистической ориентации, далёкий от привычных лозунгов коллективистской идеологии. Вместе с тем он обладает способностью к коллективно организованному действию.

Судьба героя «Поэмы о выполненной норме», написанной от первого лица, непосредственно связана с судьбой рассказчика. Данные ему от природы яркость, солнечность, оптимизм при вступлении во взрослую жизнь заводского общежития гасятся запахом спецовок и пеленок, скворчанием примусов на общей кухне и бытовыми конфликтами. Всё это усугубляется нехваткой сил «рвать металл другим металлом всю смену». Когда после вечерней смены человек возвращается в общежитие, то идёт по узким, длинным улицам, видит наводящие тоску «чахлые растения», входит в подъезд, который «дышал мочой и кошками». Он не может заснуть от мысли «об одинокой смерти», от представляющейся «выпукло и зримо» картины, «как я – уже безликий и делимый – / лежу, омытый, в комнате пустой»⁵³.

Сама специфика обращения поэта к читательской аудитории через верлибр соответствует сложности авторского самовыражения через две точки зрения, когда автор оказывается вне повествования и внутри него. Поэт избегает произвольных мотивировок и последовательно раскрывает чувства и мысли героя, поступающего вполне самостоятельно, в соответствии с логикой своего характера. А логика эта поначалу продиктована истощением духовных и физических сил, равнодушным выдыханием «сырых испарений полениц, / распыленных сорочек и трусов», когда даже шаги в коридоре соседей по общежитию «шептали о печали /– как будто капли о панель стучали, / стекая вниз с наддверного щита». Событийная сторона поэмы на этом этапе внутренняя, глубинная, уходит в сложный автономный мир личности, при всех своих бедах не оставляющей надежды на лучшее будущее («И думал – вы подумайте! – о счастье!»).

Развитие действия начинается с появления в комнате общежития столь же несчастной, как и сам герой, девушки, «галчонка большеротого, / полуподвальных комнат стебелька». «Момент истины» погружённый в печаль герой обретает, когда узнаёт о желании оказавшейся на самом дне «полуподвальной» жизни девушки высказать жалость к его положению в обществе, обещать покровительство («Я не дам... Спасу»):

*Я мог стерпеть нападки, боль, уродство.
Но эта злая накипь благородства...*

Герой поэмы, казалось бы, обречённый на смерть, не может отказаться от духовных ценностей, привитых им в деревенском детстве. Утратив оправдание своему существованию, он сохраняет уверенность, что и в одиночестве может достичь подлинности своего бытия, преодолеть «одиночество, скудость и усталость»: «Мне так хотелось сразу / искоренить бесправность, страх, заразу – / чтоб засмеялась вся земля, чиста...» Он нашёл силы выполнить норму, преодолел слабость и ощутил себя счастливым человеком, каким не был «ни раньше, ни потом»:

*Земля, как прежде, медленно крутилась...
Но в мире всё же что-то изменилось.
А может, изменилось лишь во мне.*

И поэт, и его герой были сформированы культурой русского крестьянства. Из этого материала возник стержень их характеров, те ценностные моральные ориентиры, которые заставляли их

отличать правду и ложь, благородство и низость, любовь и равнодушие, верить в реально возможный выбор судьбы. Тип личности, который разрабатывал В. Устинов, в корне отличался от парадоксальной алогичности советского сознания, которое В. Кормер в приведённой выше статье (Вопросы философии, 1988, № 9) называл «двойным мышлением». Герои В. Устинова сохранили и в советский период человеческий облик, не утратили своё «Я», умели по-крестьянски уверенно отделять друг от друга «хорошее» и «плохое», «правильное» и «неправильное», жили согласно законам природы и здравого смысла.

И не случайно в изображённом В. Устиновым в поэме «Город гонок» командном соревновании шлюпок сборную курсантов, «беззаботных сынов морских училищ», побеждает команда «детей войны». Хотя в победителях гонки «всё ещё проглядывал нетленный остаток дистрофии: той – военной, той – беспризорной, в стынувшей стране», они не потеряли способности ощущать радость бытия, относиться к скоротечной жизни как к прекрасному чуду, подаренному человеку. Преодолевая свою физическую слабость, они побеждают комплексы военных переживаний и отыскивают «момент истины» в бесконечном движении бытия:

*Мы не застыли там – на «мёртвой точке».
И нас теперь – попробуй! – удержи.
Мы рвёмся к счастью. Что мы знали? Горе,
Обман и голод; кровь и пот земли...
Качай нас, шквал! И в деле, и в словах
Мы научились не просить подмоги...
...Мы стали искренней и непокорней...
...Ты, гонка, нашей юности разбег!*

Герои В.Устинова, «готовясь к долгой – в жизнь длинной – борьбе», осознают себя частицей вечности, то есть прошлого, настоящего и будущего одновременно, и в своей метафизике времени даже в минуты счастья не отделяют события прошедшей войны от событий настоящего. Они, «злые дети бесконечных гонок», трагически прикованы к прошлому, к воспоминаниям военного детства и вынужденно проецируют их на постоянно живущий в их душах страх уничтожения в современной ядерной войне. Удел героя поэмы В.Устинова «Золотой паук» из книги «Талан» – жизнеутверждающее страдание, которое помогает ему не только видеть тёмные стороны жизни, но и её силу и радость. Поэма выстроена в качестве монолога молодого мужчины, обращённого к своей жене, спящей на супружеском ложе. За окном – «летнее полуночное солнце / на лучики нанизыва-

ет кольца», «растенья над тундрой жгут лиловые огни». Пробуждение природы, утренняя тишина по тональности совпадают с красотой женщины, которой мужчина с любовью шепчет: «Ты спи, моя ночная, молодая...» Он надвигает шторы и впервые в жизни решается поведать (без страха быть непонятым) о своих детских комплексах – «о мальчике, который боялся одиноко умереть», потому что «совсем не помнил материнскую улыбку», и у которого где-то «без креста, без обелиска лежал безвестно умерший отец». Он рассказывает спящей жене о любви к родившейся у них дочери – и о своем страхе за неё, «не желая повторенья своей судьбы в судьбе своих детей». А повторение это возможно:

*Опять ползут со зноем по планете
Неурожаи, голод, чёрный мор...
Тревожные, больные, злые волны...
Опять война на юге – как ожог:
Те маленькие, суетные войны
Мир приучают исподволь к большой...*

Мужчина смотрит на свою возлюбленную, «закутавшую в простыню лепное тело – синтез красоты», слушает её беззаботное дыхание и понимает, «как хрупко все», осознает, что не может спасти жену и дочь от мировых катаклизмов: «Чуда нам не свершить: в двадцатом веке – нежном и суровом – не научить весь мир единым словом, как нужно жить». Однако в религиозном понимании неизбежного Апокалипсиса герой В. Устинова полагает, что в этих условиях «нужно жить» и обещает жене и ребёнку, что «мы будем долго жить». Тем самым В. Устинов утверждает подлинно религиозное отношение к жизни, позволяющее счастливо существовать в мире и любить солнце как олицетворением вечности:

*И только солнце – золотой паук –
Ползёт уже по лучику к зениту...*

Реальная жизнь воспринималась В. Устиновым как источник вдохновения и искусства. Он смело экспериментировал и постоянно искал новые выразительные средства. Поэт делал читателя участником всего того, чем жил он сам. В предисловии к книге стихов и поэм «Путина» (1974), опубликованной в Москве в издательстве «Современник»⁵⁴, поэт вспоминал о своих поездках вдоль Чёшской губы Баренцева моря от тони к тоне, от одной рыболовецкой бригады к другой, о встречах с поморами, поразившими его своим мужеством: «Так сама жизнь дала мне социаль-

ный заказ. И тогда появились стихи. Сначала о рыбаках-добытчиках. Затем пришло понимание гармоничных связей между природой Приморья и её сыновьями, её ревнителями – рыбаками и оленеводами. А отсюда уже брал интерес к фольклору и народным традициям»⁵⁵.

Новую книгу открывали знакомые по прежним публикациям циклы «Добытчики» и «Печорский четверик», которые стали своего рода визитной карточкой молодого поэта. Однако предчувствуя упрёки в повторении достигнутого, В. Устинов идёт дальше и в поэме «Яков Окладников», в циклах стихов «Вечные грёзы» и «Диво дивное» выказывает способность раскрыть художественную проблематику во всей широте и сложности её внутренних противоречий.

В предисловии к книге «Путина» В. Устинов оттаивает мысль о социальной значимости поэзии, о необходимости её живой связи с народом и временем. Его позиция литератора и отношение к искусству определялось неумолимой логикой обновления традиций в русской поэзии Европейского Севера 1970-х годов, углублением общественно-философской насыщенности и расширением психологического анализа. В те годы в произведениях прозаиков Ф. Абрамова и В. Белова, поэтов А. Яшина, С. Орлова, С. Викулова, О. Фокиной были чутко уловлены дорогие сердцу читателя мысли о необходимости воспитания чувств, понимании каждым человеком опыта предшествующих поколений. Поэзия В. Устинова активно «вливалась» в общероссийский литературный процесс, занимая своё место в подготовленной журналом «Север» целой когорте писателей-«деревенщиков», утверждавших высокие принципы гуманизма и народности. Так же как для Владимира Личутина Поморье стало источником эстетических и философских переживаний, где оживает «затосковавшая, нахолодевшая» в далёких странствиях человеческая душа, так и Валентин Устинов в Поморье ощутил глубокую сопричастность к истории своего Отечества, к русской национальной идее, к любовному восприятию России всем сердцем, к усвоению великой мудрости народа.

Если в ранних стихах о «добытчиках» В. Устинов изобразил человека, живущего в полном согласии с природой, в гармонии свободного и естественного отношения к миру, то в поэме «Яков Окладников» (с авторским подзаголовком «трилистник») появляется личность, которая обращается не только к внешнему миру, но уже открыла для себя мир внутренний. Впервые в привычном для В. Устинова герое из поморов,

обладающем физической сноровкой и силой воли, поэт обнаруживает двойственную природу, состоящую из двух противоположных и постоянно борющихся тенденций. Одна из них возникает в результате воздействия чувственной стороны человеческой природы, другая является следствием духовной дисциплины как высшей по сравнению с волей и эмоциями.

В первой части трилистника – «Росстани» – Яков Окладников предстает в знакомом облике крепко стоящего на ногах рыбака, чувствующего себя хозяином жизни и своей судьбы. По возвращении с промысла он лихо выставляет на стол любимой женщине свои дары: бочонок копченой сельди, балыки, пачку денег: «Получай! Уж такой я широкий!» На этом раньше и заканчивался у В. Устинова сюжет о возвращении рыбака домой (стихотворения «Отдых», «Рыбацкие бани»). Однако для Якова всё только начинается, когда он узнаёт, что женщина изменила ему, пока он был на путине, и, по слухам, спящий в коляске ребёнок может быть чужим ему по крови. И «заскорбела, заточилась слезою душа» рыбака, зашёл в сельмаг и всё заработанное за путину «за день размахал». Во второй части трилистника – «Пир» – поведение Якова предсказуемо развивается по знакомой для простого человека траектории поведения: «От измены злой и тёмный / всё крушил – как лось в лесу», побил жену-изменницу, попал под суд, но выручил присутствовавший на процессе корреспондент, назвавший Якова «хорошим человеком», который попал в беду по вине жены-изменницы. Новая встреча с Яковым, изображённая в третьей части поэмы – «Гостинцы» – показывает, что поток страстей, злобы и ревности уступили в душе Якова возникшему после разлуки чувству заботы о брошенной им любимой женщине и её сыне («Я к тому, что мне Валюху, / может, права нет судить... Вдруг да сладится у нас...»).

В. Устинову удаётся показать то самоисследование, которое идёт в глубь души Якова Окладникова до такой степени, что в конце концов привыкший к грубому физическому труду и далёкий от философии человек самораскрывает в себе источник добра и заботы о ближних, сметающий негативный поток страстей. И этот процесс отсекания в человеке всего тварного, временного, и обретение высшего «Я», которое находится внутри человеческой души, раскрыты В. Устиновым с точки зрения православной концепции.

Вместе с писателями-деревенщиками В. Устинов в поэме «Яков Окладников» заговорил о проблемах утрачиваемой народной нравствен-

ности, в поисках которой предложил обратиться к её истокам, к деревне, где сохраняются доброта, терпимость, уважение к человеку, отсутствие жестокости, доброжелательность, то есть ценности общегуманистические. Такое поведение было обусловлено сигналом тревоги о внутренней опасности, которая стала подстерегать человечество во второй половине XX века. Из-за угрозы гибели от атомной войны, агонии в результате разрушения среды обитания начался кризис самого человека, ставшего испытывать опустошение, бездуховность, отчуждение, социальную обездоленность, отчаяние.

В этой ситуации поэт считал необходимым своей поэзией принять личное участие в приумножении добра, в установлении возможно большей гармонии, в согревании любовью мира и человека, который, несмотря на все его грехи и падения, был любимым созданием Божиим. Как результат попытки «спасения мира» в книге «Путина» появляется стихотворение «Умер добрый человек», написанное во славу безымянного одинокого человека, который жил тихо и незаметно, но всегда приходил на помощь попавшим в беду односельчанам и словом и делом. Тем самым поэт стремится восстановить в правах нравственные принципы, на которых извечно держалось этическое сознание народа. Той же задаче подчинено и обращение В. Устинова в цикле стихотворений «Диво дивное» к прошлому, к духовной укоренённости, к национальным традициям, к богатству лексики и образов русского фольклора (стихотворения «Диво дивное», «Сокрушение», «Любка», «Бессмертник», «Яр-хмель», «Вишняк», «Стихи о резном коне»). Эти стихи исходят от поэта, который достиг определённой степени внутреннего очищения и преображения и стремится помочь людям стать справедливыми и благородными, уважать ценности религиозно-христианской нравственности, которые на какое-то время забылись: почитание родителей, верность, честь, совесть и долг. И потому столь естественным выглядит поступок лирического героя стихотворения В. Устинова «Дом за часовой», который после осмотра заброшенного, но ещё крепкого крестьянского дома «светло и отрешённо» думает о его прежних обитателях:

*И потому – по стёртым половицам
Из дому выйдя в звень и зелена –
Я обернулся, чтобы поклониться:
Благословенна древняя земля!*

Православная ментальность В. Устинова основана на убеждении, что Россия имеет великое духовное будущее и её ждут века мира, любви, бесконечного прогресса. Герой включённых в книгу «Исполать» (Петрозаводск, 1975) «Арктических репортажей» уверен в безопасности человеческого существования, основанного на братской любви и солидарности людей. Для него «за седым размахом / пространств – / раскрывается красота / с удивительным постоянством» («В пути»). Увиденный в тундре «мир кочевков, дымов, озер» он воспринимает «как вечный зов мужества и любви» («Вечный зов»). На уровень вечно живущего мифа («Это выглядит – словно миф») герой возводит увиденную на палубе идущего по Северному Ледовитому океану корабля игру моряков в мяч («Волейбол в Арктике»). В противовес охватившему западную цивилизацию экзистенциальному одиночеству человека поэт славит энергетику русского танца, когда «радостного закупа / – души светятся, как волна» («Цыганочка» в Дудинке). В Арктике, среди людей, занятых укреплением «материалистического» мира, отходят на второй план размышления о возможном разрушении современной цивилизации, которая основана на культе денег:

*Здравствуй в дружбе, студёное море –
Ледяные ночные поля!
Помнишь горе? Да было ли горе?
Я забыл твоё горе, земля!⁵⁶*

Ещё одним вариантом бегства из одиночества в поисках смысла жизни, причастности к движению времени и истории для В. Устинова по-прежнему было обращение к жизни русской деревни, где, по его мнению, сохранялась возможность духовной реализации человека, не нарушались важные законы природы и её равновесие. И если В. Белов от ощущения, что «годы прессуются во временные пласты, которые давят на человека в настоящем и тем сильнее, чем дольше он живёт»⁵⁷, стал работать над биографической повестью «Фомишна» о своей бабушке, то В. Устинов включил в «Исполать» поэму «Вечная дорога». Герой её, «по крови – мужик», со схожей с автором биографией («безотцовщина, детдом, ремеслуха, завод») возвращается в деревню, где скончался дед, и у его могилы вспоминает о желании старика, «чтобы род наш мужицкий / крестьянского доброго корню» не превёлся в селе.

Эта типичная для писателей-деревенщиков ситуация «возвращения горожанина» в родные пе-

наты усилиями талантливого поэта превращается в исполненный философского смысла поединок в душе героя между жизнью (и её олицетворением – восстановленным домом предков) и смертью (разрушением дома в случае отказа от его строительства). Герой В. Устинова приезжает в деревню с надеждой на спасение от мучающих его мыслей о бренности существования, о неизбежности смерти («Страшно думать / и все же – страшнее не думать о смерти»). Рядом с мыслями о возможности Апокалипсиса ему поначалу кажется «смешон этот смертный бревенчатый дом». Но «голос живших до нас поколений» оказывается сильнее, и человек берётся за топор ради возрождения жизни на земле предков.

*Так живи навсегда
Это вечное чувство полёта!
Жавороночная трель –
Будто бронзовый смех бубенца!
И огромная радуга –
Как расписные ворота
В мир, которому не было,
Нет и не будет конца!*

Праздничная интонация финала поэмы созвучна названию сборника: «Исполать». Это старинное, пришедшее в русский язык из греческого, слово (по Далю) означает «хвала, слава, спасибо» и родственно желанию поэта выразить благодарность людям Заполярья и её природе за счастье жить. Герои «Арктических репортажей» и поэмы «Вечная дорога» уверены, что история есть не что иное, как деятельность людей, преследующих свои цели, что человеку дано оседлать «коня» истории и подчинить его бег своей воле. Для них нравственность – это нечто более высокое, чем деньги, и потому устиновские «добытки», рыбаки, матросы ледовых караванов судов никогда не заговаривают о своём заработке, о проблемах быта. Для поэта важен их контакт с миром, наполненным реальным гуманистическим содержанием, в ситуациях с высоким взлётом человеческого духа, «на всплеске веселья и жизни» («Завтрак на дороге»).

Однако в глубине души В. Устинов не может не понимать, что в условиях кризиса современной нравственности сохраняется ощущение катастрофичности бытия. Очень чётко сознавая серьёзность задач, которые стоят перед этикой, В. Устинов в открывающем «Исполать» стихотворении «Эх, да как на выгонах...» прибегает к сословному наклонению в своих пожеланиях возможного выбора общества:

*Только б чёрным выстрелам
Вновь не загреметь!
Только б крылья алые зорям не сложить...
Только бы узнали мы
То, как надо жить!*

Одним из вариантов «как надо жить» для В. Устинова остаётся общинная круговая порука русской деревни, и в стихотворениях «Бабушке Анастасии», «Пляшут журавли» (посвящённом А. Романову), «Василиса», «Выбегала на крыльцо», «Печаль о конюхе» он с любовью рисует жителей «глубинной России». Но всё чаще в стихи такого рода проникают грустные мысли о нежелательном воздействии цивилизации на исторически выработанные защитные механизмы деревенской жизни и первобытной природы Севера, начинает звучать мотив прощания со всей этой заповедной красотой: «А на сердце – так светло и сладко, / что с тоской не справиться никак...» («Пляшут журавли»).

Всё чаще В. Устинов обнаруживает в жизни зазор между идеалом и действительностью, сталкивается с рядом проблем, к которым он оказался не готов в силу имевшихся иллюзий. Его ранние стихи о любви были исполнены радостных ожиданий счастья. Лирический герой смотрел на свою возлюбленную как на личность, дарованную ему от Бога, и в налаживании отношений с ней не ставил гамлетовский вопрос «Быть или не быть?». Теперь, ближе к сорока, его совесть трагически напряжена. Ради сохранения в себе человеческого достоинства он ожидает от встречи с женщиной высечения искры платонического, святого для него, чувства любви, а оно не приходит. Отсюда печальная интонация стихотворения «Я больше не могу любить», герой которого вспоминает о былых встречах с женщинами, которые «творяют обряд любви и посвящения», и жалеет, что всё стало «несбыточной памятью»:

*Я их искал, и не нашёл, и горечь –
Какая-то неведомая горечь –
Вошла в меня неведомая горечь...
Я больше не могу любить...*

В том философском понимании любви, которым руководствуется герой В. Устинова, его ожидание истинно античных по силе переживаний вступает в напряжённое борение с моральным кодексом общества, с обязательствами перед семьёй, и в результате происходит усыхание естественных порывов души. «Как властвует над нами разум!» – восклицает герой стихотво-

рения «Когда-нибудь...», вспоминая о посетившем его порыве влюблённости, когда он решил «всё изменить, сломать, построить вновь», но после бессонной ночи раздумий предпочёл долг перед семьёй. Даже спустя время он уверен в своей правоте: «Так долг или любовь.../ Всегда был – долг».

Как это и свойственно В. Устинову, сюжет этого стихотворения был взят из личной жизни. «Валентин Алексеевич рассказал мне трогательную историю, – вспоминал Я. Кауров. – Он отдыхал на юге и писал поэму. Увлечённость была такая, что он всё время ходил словно в забытьи. И однажды ему встретилась девушка. Своей искренностью, чистотой, красотой юности она тронула его сердце. Он влюбился. Через многие годы он вспоминал это чувство с восторгом. Им было хорошо вместе, но любовными их отношения не стали. Я спросил, почему так произошло. И он ответил очень неожиданно: «Ты знаешь, я ведь писал поэму, и я боялся, что любовь помешает поэзии»⁵⁸.

Бытие В. Устинова, как и многих его современников, определялось не столько основательным бытием, как его изменениями. «Я ведь перекачиполе, – говорил он Я. Каурову. – Человек, не имевший ни дома, ни пристанища, ни даже друзей не имевший практически». Предоставленный самому себе, В. Устинов мучительно и трудно самоопределялся, искал в себе сокровенное, совесть, делал выбор, пребывал в поиске своего пути. В содержании его поэзии отразилось многообразие объективных коллизий современного общества, когда человеку предоставлялся выбор от прямого противостояния злу до различных форм ухода в затаённое существование. При всех обстоятельствах В. Устинов никогда не отказывался от собственной неповторимой судьбы, был готов к решению ситуации из личностно-субъективных представлений о жизни и был верен идеалам справедливости и порядочности, присущим народной нравственности. Он обрёл творческие силы благодаря живой воде родимой земли и был счастлив воспеть «гимн людскому счастью и теплу»:

*Я – сын Земли.
Её и хмель, и соль.
Задумчив ли, тревожен или весел –
Я всё равно живу меж сотен солнц,
Как эпицентр зелёных взрывов вёсен.
...Мой мир надеждой и любовью светел...*

(«Живая вода»)

«В предельном чувствовании родство поэта и философа, поэзии и философии»⁵⁹, – писал доктор философских наук Н.Ф. Овчинников в статье о поэзии Б.Л. Пастернака, и это в полной мере относится к творчеству В.Устинова. В книге стихов В. Устинова «Живица» И. Шайтанов увидел неожиданно «пастернаковское» стихотворение «Гроза. Август» и писал, что в данном случае влияние предшественника проникает не столь явно, помимо воли самого автора, когда «сам набор поэтических реалий в их сочетаемости: гроза, август, сад, ветер, тишина, сон, восторг и печаль – моментально, даже если отрешиться от ритма, структуры образов, приводят на память стихи Б. Пастернака «Баллада», «Плачущий сад»⁶⁰. В поэзии обоих авторов, при всей неповторимости и очевидной несхожести судьбы, наблюдается многообразие выразительных форм и нескончаемые поиски поэтического смысла жизни. Но если Б. Пастернак, по предложенной Н.Ф. Овчинниковым классификации, мог быть условно отнесён к тем, кто «нёс в себе скрытую внутреннюю боль, которая живёт в нём и губит его при открытом столкновении с реальностью», то В. Устинов, по той же классификации, должен быть отнесён к тем, кто «принимал всю полноту жизни, несмотря на тяжкие испытания, которые выпадают на его долю»⁶¹.

«Надеждой и любовью светел» мир образов поэтического сборника В. Устинова «Братчина», который был опубликован в Петрозаводске в 1978 году, уже после отъезда автора в Москву. Читатель встречается в книге со знакомой ему поэмой «Яков Окладников», с напоминающими прозрачные акварели зарисовками природы, с земным счастьем и мужеством заполярных тружеников. Лирический герой В. Устинова – думающий и глубоко чувствующий человек, стремящийся к нравственной гармонии. В стихотворении «Бахарь» он называет себя продолжателем дела «удалого предка» новгородца Устинова, который уставшим от промысла и тёмной полярной ночи промысловикам заводил «золотые, как солнце, сказы» и спасал людей от тоски и уныния:

*Не поэт я, люди, а бахарь –
По наследству и по призванью.
...Я – поклонник добра и света.
И люблю, чтоб с любой страницы
Пело солнце, смеялись птицы.
Я ведь бахарь. Я знаю: это
Вам когда-нибудь пригодится⁶².*

Перу поэта в московский период его творчества принадлежат многие поэтические сборники. Его палитра поражала богатством красок, а художественная мысль – глубиной и сложностью. И по-прежнему для него Север оставался «судьбой и счастьем».

Примечания

²⁹ Михайлов Ал. Ритмы времени. Этюды о русской советской поэзии наших дней. М., 1973. С.333.

³⁰ Гидони А. Изнутри озарённый мир (О стихах Олега Мишина) // Север. 1972. № 5. С.122.

³¹ Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С.118.

³² Мишин О. Солнечный день. Стихи. Петрозаводск, 1970. С.92.

³³ Хайдеггер Мартин. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. №9. С.131.

³⁴ Там же. С. 129.

³⁵ Гидони А. Изнутри озарённый мир (О стихах Олега Мишина) // Север. 1972. №5. С.123.

³⁶ Мишин О. Второе зрение. Стихи. Петрозаводск, 1973. С. 49. Дальнейшие ссылки на это издание без указания страниц.

³⁷ Карху Э.Г. Бегство из одиночества // Север. 1972. №5. С.115.

³⁸ Мишин О. Тревожность. Стихи. Петрозаводск, 1978. С.76. Дальнейшие ссылки на это издание без указания страниц.

³⁹ Якимович А.К. Тоталитаризм и независимая культура // Вопросы философии. 1991. №11. С.24.

⁴⁰ Дюжев Ю.И. Мишин А.И. // Дюжев Ю.И. Писатели Карелии. Петрозаводск, 2006. С.41-43; Маркова Е.И. Олег Мишин (Армас Хийри) // История литературы Карелии в 3-х тт. Т.3. Петрозаводск, 2000. С.371-376.

⁴¹ Алто Э.Л. Ингерманландские писатели в СССР // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1991. С.22.

⁴² Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 119.

⁴³ Резников Л. Необходимость преодоления (Свет и тени лирики Олега Мишина) // Север. 1980. №5. С. 106-112.

⁴⁴ Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Новый мир. 1990. №1. С.222.

⁴⁵ Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 166.

⁴⁶ Устинов В. Я развожу зелёные лучи... // Устинов В. Живица. Архангельск, 1971. С. 36. Дальнейшие ссылки на это издание даются без указания страниц.

⁴⁷ Коржов Дм. Валентин Устинов: «Север – это судьба и счастье» // Мурманский вестник. 2010. 18 декабря.

⁴⁸ Оботуров В. «Бог и леса не уравнил...» // Север. 1980. №7. С.120-121.

⁴⁹ Кауров Я. Вспоминая Устинова (Электронный ресурс) Режим доступа: <http://gospisatel.ru/Kaurov-Ustinov.htm>. Основано на версии, датир.: апрель 26, 2017.

⁵⁰ Устинов В. Долина детства. Повесть в стихах // Устинов В. Талан. Стихи. Поэмы. Петрозаводск, 1971. С.124. Дальнейшие ссылки на эту книгу без указания страниц.

⁵¹ Бердяев Н.А. Из книги «Смысл истории». Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческого образа // Новый мир. 1990. № 1. С.215.

⁵² Кауров Я. Вспоминая Устинова // <http://gospisatel.ru/Kaurov-ustinov.htm>. Основано на версии, датир. апрель, 2017.

⁵³ Устинов В. Поэма о выполненной норме // Устинов В. Талан. Петрозаводск, 1971. С. 31. Дальнейшие ссылки на это издание без указания страниц.

⁵⁴ В.Устинов подарил книгу «Путина» автору этого исследования 23 января 1975 года с автографом: «Славному Юрию Дюжеву автор презентует сей сборничек и хочет сказать, что он уважает в Юрии Дюжеве: а) настойчивость, б) последовательность, в) и, хотя это может показаться ему неожиданным, эмоциональное восприятие жизни».

⁵⁵ Устинов В. Путина. Стихи и поэмы. М., 1974. С.4. Дальнейшие сноски на это издание без указания страниц.

⁵⁶ Устинов В. Отход // Устинов В. Исполать. Стихи. Поэма. Петрозаводск, 1975. С.30. Дальнейшие ссылки на это издание без указания страниц.

⁵⁷ Белов В. Фомишна (Из биографической повести) // Красный Север. Вологда. 2001. 23 мая. С.5.

⁵⁸ Кауров Я. Вспоминая Устинова...

⁵⁹ Овчинников Н. Ф. Б.Л.Пастернак – поиски призвания (от философии к поэзии) // Вопросы философии. 1990. № 4. С.7-22.

⁶⁰ Шайтанов И. Поэзия и традиции // Север. 1973. №4. С.111.

⁶¹ Там же. С.11.

⁶² Устинов В. Братчина. Петрозаводск, 1978. С.38-40. В Москве В. Устинов работал заместителем главного редактора журнала «Наш современник», затем – секретарем Московской писательской организации, руководил издательством «Московский писатель», а с 1998 года возглавлял созданную им Академию поэзии.

Юрий Иванович ДЮЖЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжевским были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009),
лауреат премии журнала «Север» (2016 г).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

